

А. В. Кирилина

"МУЖЕСТВЕННОСТЬ" И "ЖЕНСТВЕННОСТЬ" С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТА

Постмодернистская концепция философии видит в языке главную силу, определяющую отношение человека к миру. Согласно взглядам представителей постмодернизма, человек воспринимает действительность лишь через призму языка. Языковые значения структурируют сознание человека, направляя его мышление в определенное русло и формируя картину мира. Отсюда следует отрицание объективной истины, лежащей вне пределов человеческого мира. Мир не подчинен категориям разума, он множествен и зависит от слов языка. Сами слова могут быть оторваны от предметов и явлений, которые они обозначают, и функционировать самостоятельно, создавая фиктивные миры. Не случайно основная черта любой социальной практики, согласно постмодернистской концепции, - это симуляция.

Мировые истины, таким образом, нельзя описать лишь с одной точки зрения - относительно реальности могут быть построены разные версии, и ни одна из них не является окончательной. В этой связи выдвигалась идея деконструкции (Деррида), которую с известной степенью упрощения можно охарактеризовать как попытку проникнуть в глубины значения слова и - шире - текста.

Развитие когнитивной лингвистики способствовало осознанию "человечности" языкового знака. Так, Лакофф в работе "Мышление в зеркале классификаторов" показал, что в языке отражается категориальное мышление человека, основанное на ряде принципов. В общих чертах они сводятся к следующему:

"В каждой культуре существуют специфические для нее сферы опыта, которые определяют связи в категориальных цепочках.

... Существуют идеальные модели мира (в их число входят мифы и различные поверья), которые тоже могут задавать связи в категориальных цепочках" (6, с. 16).

По мнению Лакоффа, "принцип мифа и поверья можно рассматривать как частный случай Принципа сферы опыта. С этой точки зрения мифы и поверья - это сферы опыта, значимые для категоризации" (там же, с.20).

Исходя из такого осмысления категоризации, можно заключить, что

категории познания (в смысле Аристотеля) не заданы природой вещей, не даны свыше, а образуются в процессе осмысления человеком мира и себя в мире. Категоризация происходит на основе опыта, а опыт человека как физического существа всегда связан с его телесной деятельностью. Отсюда в языке появляется "телесная метафора" (16). Выражения *рукой подать, два шага, одна нога здесь, другая там, делать что-либо у кого-либо за спиной* и т. п. содержат телесную метафору, то есть осмысление мира через посредство собственного тела - первой сферы человеческого опыта. Следовательно, "наша концептуальная система зависит от нашего физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним" (6, с.48). Это объясняет принцип антропоморфизма, действующий в номинативной системе любого естественного языка.

С этой позиции деконструкция, к которой призывают постмодернисты, может быть представлена как попытка через позднейшие наслоения проникнуть в "первосмысл" слова, раскрыть механизм концептуализации тех или иных понятий. В данном случае нас интересуют слова "мужественность" и "женственность" в их категориальном значении. В мифологии любого народа и в большом количестве философских трудов речь идет о женственности и мужественности как космогонических и метафизических категориях: « ... например, в международном соперничестве: одни народы являются по преимуществу женственными, другие - мужественными. Хорошо известен фрагмент "По ту сторону добра и зла", в котором Ницше оценивает роль народов в творческом процессе при помощи метафор "женское" и "мужское"...» (10, с. 28).

Сложность и неоднозначность этих понятий связана с их метафоричностью, корни которой уходят в мифологическое мышление. Эти понятия встречаются во всех космогонических представлениях народов, являясь изоморфными двум ипостасям человеческого бытия - мужчинам и женщинам. Мужественность и женственность объединяют в себе совокупность противоположных начал.

В любой мифологической картине мира присутствует ряд бинарных оппозиций: *верх - низ; свет - тьма; правое - левое* и т. д. Во

многих философских системах также имеет место ряд полярных категорий: *природа - культура; активность - пассивность; рациональность - иррациональность, логика - эмоции; дух - материя; содержание - форма; власть - подчинение.*

Один член каждой из оппозиций атрибутируется мужественности, а другой - женственности. Важно подчеркнуть, что каждая пара признаков составляет самостоятельную оппозицию, не имеющую причинно-следственной связи с принадлежностью людей к тому или иному полу. Однако половой диморфизм, имеющий место в реальности человеческого существования, все же рассматривается сквозь призму женственности/мужественности. Каждому из полов приписывается набор соответствующих качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании. Так, в древнекитайской мифологии и натурфилософии обнаруживаются два противоположных начала - темное *инь* и светлое *ян*, практически постоянно выступающие в парном сочетании. Примечательна история происхождения этих понятий: "Первоначально *инь* означало, видимо, теневой (северный) склон горы. Впоследствии при распространении бинарной классификации *инь* стало символом женского начала, севера, тьмы, смерти, земли, луны, четных чисел и т.п. А *ян*, первоначально, видимо, означавшее светлый (южный) склон горы, соответственно, стало символизировать мужское начало, юг, свет, жизнь, небо, солнце, нечетные числа и т.п. Предполагают, что в основе этой символики лежат архаические представления о плодородии, размножении и о фаллическом культе" (9, с. 547). Такая символика, подчеркивающая дуализм мужского и женского начал, существовала и в дописьменный период, получая иконографическое выражение. В индоевропейской мифологии "находящемуся на небе отцу - сияющему небу соответствует оплодотворяемая небом обожествляемая земля (часто в противоположность светлому богу - "темная", "черная") как женское божество - мать" (там же, с.528). В индоевропейской мифологии также прослеживается мотив единства неба и земли как "древней супружеской пары - прародителей всего сущего" (там же). Связь основных движущих сил мироздания с мужским и женским началами отмечается и в других культурах (ср. Ранги - отец-небо и Папа - мать-земля в полинезийской мифологии и т. д.).

Миф об андрогинах также отражает дихотомию пола, раскрывая принцип

гармонии, которая воцаряется при соединении мужского и женского начал.

Очевидно, что в основе понятий "мужественность/женственность" лежит концептуализация человеческого опыта и "телесная метафора".

Эти категории отражают классифицирующую деятельность человеческого сознания, выводимую из названной уже "сферы опыта". Наличие двух типов людей - мужчин и женщин - мотивировало название философских категорий "женственность" и "мужественность", составив *tertium comparationis* (базу сравнения) метафоры.

Как понятия метафорические "мужественность" и "женственность" обнаруживают ряд специфических свойств. Означая "перенос", метафора состоит в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс" (8, с. 296). Таким образом, метафора ассоциирует две различные категории объектов и потому семантически двойственна: она имеет два плана, что составляет наиболее существенный ее признак. Употребление метафоры в качестве номинации актуализирует в сознании два класса объектов - тот, с которым сравнивают, и тот, который сравнивают. Базой сравнения является в этом случае некоторая общая черта сравниваемых объектов. Метафора представляется "как пересечение двух концептуальных систем в целях применения к основному субъекту метафоры свойств и ассоциативных импликаций, связываемых с ее вспомогательным субъектом" (там же, с. 297). Механизм метафоризации обнаруживает закономерности, обусловленные действием принципа антропоморфизма, то есть культурного и телесного опыта человека:

1) *tertium comparationis* метафоры отсылает реципиента к реальным мужчинам и женщинам, которым также начинают приписывать данные природой черты: активность/пассивность, интеллект/эмоции и т.д. Как отмечал А. Белый, "не женщина вовсе определяет женственное: наоборот, женственностью определима она сама"(1, с. 103);

2) образность метафоры, референтное несоответствие с *tertium comparationis* позволяет использовать ее в применении к объектам разного рода, не связанным непосредственно с полом. Так, мы говорим о *мужественных* поступках, о *вечной женственности*; в ряде историко-философских работ выдвигается идея о *мужественности* немецкого национального

характера и *женственности* русского. Совершенно очевидно, что в таких случаях не производится прямого соотнесения с мужчинами и женщинами. Речь идет о комплексе признаков, объединенных под терминами *мужественность/женственность*. Мужское начало трактовалось "как аполлоновское начало формы, идеи, инициативы, активности, власти, ответственности, культуры, личности, разума, абстрактного понятийного мышления, сознания, справедливости. Женское начало - как дионисийское начало материи, пассивности, подчинения, природы, рода, чувства, инстинктивности, бессознательного, конкретного мышления, милосердия. Следует отметить, что такая трактовка мужских и женских качеств традиционна и для философии, и для массового сознания" (11, с. 29).

Еще Аристотель отождествлял мужское начало с духовным, с формой, а женское - с телесным, с материей. Согласно его взглядам, мужское начало придает форму и движение материальному (женскому) и вносит в него душу. Такой взгляд на два начала сохранился практически до наших дней, и лишь философия постмодернизма систематически подошла к переосмыслению понятий женственности и мужественности, что, однако, мало отразилось на стереотипах обыденного сознания.

Так, проблема женственности и мужественности живо интересовала русских философов серебряного века - Бердяева, Эрн, Иванова, Булгакова, Розанова, Соловьева, Мережковского, Флоренского (подробный анализ их концепций по обсуждаемому вопросу дан в монографии О. В. Рябова (11)). Отметим лишь, что, с одной стороны, философы переводили метафорические черты мужественности и женственности в модус должностования и прескрипции, приписывая реальным мужчинам и женщинам в качестве обязательных признаки философских понятий *женственность* и *мужественность*.

С другой стороны, эти понятия применялись ими и к лицам одного пола. Так, П. Флоренский противопоставляет мужские имена *Александр* и *Алексей*, ассоциируя одно с мужественностью, другое - с женственностью. Подобная точка зрения представлена в учении К. Г. Юнга об архетипах, в числе которых находятся *анима* и *анимус*. Эти два архетипа соответствуют мужскому и женскому началу, но присутствуют в сознании каждого человека независимо от его пола.

В той или иной степени дихотомическое противопоставление мужского и женского и их

иерархичность, где главенствующую позицию занимает мужественность, свойственно практически всем направлениям философской мысли. Установлено, что в ряде философских концепций полярные различия между этими качествами рассматриваются как "сущностные, субстанциональные", экзистенциальные. В других, более современных трудах, им приписывается «"акцидентальный, случайный", подлежащий преодолению характер» (11, с. 29).

Так или иначе, сами понятия "мужественность" и "женственность" получили категориальный статус и рассматривались в качестве прототипов для описания реальных мужчин и женщин. После появления работ Лакоффа и Джонсона, разработавших вопрос о человеческом теле как базисе мышления и воображения - "опыт в значительной мере структурируется еще до любой концептуализации и вне зависимости от нее" (7, с. 169), - обоснованным представляется вывод о том, что влияние философской оппозиции "мужественность/женственность" на реальный половой диморфизм не односторонне, а взаимно обусловлено, о чем свидетельствует уже сама номинация "мужественность" и "женственность", этимологически возводимая к наличию двух полов в природе.

Таким образом, метафорическая номинация в силу своей семантической двойственности оказывает влияние на реальных мужчин и женщин. Иными словами, в соответствии с идеей Лакана, произошел отрыв означающего от означаемого. Означающее философского концепта в силу своей внутренней формы соотносится с людьми разного пола.

"Мужественные" и "женственные" языки

С лингвистической точки зрения заслуживает внимания еще один аспект - характерологические признаки языков в связи с категориями "мужественность" и "женственность". Сегодня считается доказанным факт, что язык народа отражает его ментальность, культурные особенности, ценностную картину мира.

Приписывание народам мужских и женских качеств свойственно многим философам от Ницше до Бердяева. Как правило, Россия и славяне вообще интерпретировались в терминах женственности, а Германия и Запад соотносились с понятиями мужественности (ср.: 10). Об этом говорит само название работы Бердяева "О вечно-бабьем в русской душе". Таким образом национальный характер народов соотносился с женственностью или мужественностью (напомним, что это понятия метафорические). Как уже говорилось, Россия в большинстве случаев сравнивается с

женственностью, то есть с тем комплексом признаков, который в метафизическом смысле приписывается женственности. Если это так, то русский язык по своим характерологическим признакам должен обнаруживать атрибутируемые женственности черты. К таким чертам относятся (в противоположность мужественности): эмоциональность (а не рациональность), отсутствие активности, страдательность (а не действительность) и т.д.

В работе А. Вежбицкой, посвященной анализу характерологических особенностей русского языка, отмечены следующие его черты:

1) "эмоциональность - ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков;

2) "иррациональность" (или "нерациональность") - в противоположность так называемому научному мнению, подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни;

3) неагентивность - ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося достичь ее, как контролера событий;

4) любовь к морали - абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям" (2, с. 33-34).

Хотя все западноевропейские языки имеют широкий набор средств для выражения эмоций, но даже при сравнении с ними "русский... выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения" (там же, с. 44).

При этом проводится разграничение двух видов средств языкового выражения: люди в языке могут выступать как "деятели" и как "претерпеватели". На взгляд А. Вежбицкой, "пассивно-экспериментальный способ в русском языке имеет более широкую сферу распространения по сравнению с другими славянскими языками, еще более, нежели в немецком и французском, и значительно более широкую, чем в английском" (там же). Это связано с широким распространением в русском языке безличных конструкций и

наречных оборотов "категории состояния": *Ему было весело, жарко, грустно. Мне думается.*

Существенную роль играет экспрессивная деривация. Именно в русском языке имеется без преувеличения огромное количество морфологических средств, в частности суффиксов, для выражения тончайших нюансов эмоциональности. Это касается как личных имен, так и имен нарицательных и прилагательных.

В русском языке обнаружено 12 синтаксических конструкций со значением отсутствия контроля за событиями: *Ни проехать ни пройти; Нам его не догнать; Сейчас бы чайку горячего* (2, с.60 и след). Знаменательно в этой связи выражение контролируемого и неконтролируемого ментального акта. Языковые средства выражения такого процесса включают (1) номинативную - Я хочу - и (2) дативную - Мне хочется - модели.

Высказывания типа (1) выражают волевые установки говорящего. Высказывания типа (2) отражают спонтанное возникновение желания, не связанное с волей говорящего. Тип (2) весьма распространен в русском языке: "...русская грамматика изобилует конструкциями, в которых действительный мир предстает как противоположный человеческим желаниям и волевым устремлениям или как, по крайней мере, независимый от них. В английском языке таких единиц крайне мало, если вообще есть. Зато в английской грамматике имеется большое число конструкций, где каузация позитивно связана с человеческой волей" (там же, с. 70-71).

Иррациональность проявляется в некоторых синтаксических конструкциях, типичных и очень продуктивных для русского языка. Как уже говорилось, синтаксис может отражать два подхода к видению мира - каузальный и феноменологический. В первом случае действительность объясняется в терминах причин и следствий. Во втором просто отмечается наличие тех или иных явлений, для него характерно частое употребление безличных конструкций.

Для названных безличных конструкций предлагается следующее толкование:

"Его убило молнией

что-то случилось в том месте в то время не потому, что кто-то хотел этого (была вспышка молнии) нельзя было сказать почему поэтому он был убит (умер)" (там же, с.75).

В указанной работе показано также тяготение к категорическим моральным суждениям, как положительным, так и отрицательным.

Следует также добавить, что к числу главных концептов русского языка и культуры

Вежбицкая относит понятия *душа, тоска и судьба* (там же, с.33).

Впечатляет сопоставление результатов исследования А. Вежбицкой с данными Д. Конуэй (5), полученными при анализе автобиографий восьми выдающихся женщин Америки, где было установлено, что все восемь авторов для описания происходивших с ними событий (в которых решающую роль сыграли их воля и целеустремленность) прибегали в основном к безличным, пассивным синтаксическим конструкциям. Синтаксические особенности исследованных Конуэй текстов создавали впечатление, что все происходило помимо воли авторов, благодаря случаю, счастливому стечению обстоятельств. Эта черта, отличает, по мнению Конуэй, женские тексты, а в мужских текстах четко проявляется иная тенденция - описание авторами своих действий в соответствии с героической моделью Одиссея: автор преодолевает трудности, борется с обстоятельствами, отражает удары судьбы и обретает успех благодаря собственной активности.

Подтверждением этой идеи могут служить и результаты психолингвистических экспериментов. Такие исследования в последнее время используются для обнаружения специфики языкового сознания носителей того или иного языка. Так, сопоставительный анализ ассоциативной картины мира русских и англичан, проведенный В.Н. Уфимцевой (13), показал, что для русских на первом месте по частоте стоит понятие "человек", на втором - "дом". В первую десятку наиболее частотных реакций входят оценочные понятия "хорошо" и "плохо" и слово "друг". Названия людей в соответствии с их полом не входят в первую десятку. "Мужчина" находится на 32-м месте, "женщина" - на 39-м. Слово "я" занимает 36-е место. В целом список из наиболее частотных слов выглядит следующим образом: *человек, дом, нет, хорошо, жизнь, плохо, большой, друг, деньги, дурак* (там же, с.142). Иная картина складывается в английском языковом сознании: первое место занимает *me*, затем следует *man, good, sex, no, money, yes, nothing, work, food*. Н. В. Уфимцева трактует слово *man* в общечеловеческом значении. Нам же представляется, что в свете результатов гендерных исследований на материале английского языка (15, 17 и многие другие) это слово не утрачивает отнесенности в первую очередь к мужской части человечества.

По данным Н. В. Уфимцевой, понятия "муж" и "отец" как социальные ипостаси русского мужчины "весьма слабо представлены в обыденном сознании современных русских, а реакция *глава семьи* вообще встретила

только один раз" (13, с. 152-153). Далее было установлено, что ум также не является для русского мужчины облигаторным атрибутом, зато актуально слово "дурак". Слово "умная" чаще ассоциируется с женщиной, как и слово "красота". Очень важным результатом рассматриваемого исследования стал вывод о том, что "наиболее распространенная социальная роль женщины, закрепленная в обыденном сознании, - это *мать*" (там же, с. 153-154).

Проведенное нами исследование на материале русских пословиц и поговорок, полученных методом сплошной выборки из словаря В.Даля, подтверждает этот факт: «...противопоставления *мать - мужчина* или хотя бы *мать - отец* отсутствуют. Не выявлено также ни одной пословицы, где у матери просматривались бы стереотипные женские черты: сварливость, отсутствие интеллекта, болтливость, "неправильность" в целом (принадлежность к "левому", то есть отклоняющемуся от нормы)» (3, с.25).

Добавим к этому часто цитируемое наблюдение Н. Бердяева о том, что в России основной категорией является именно материнство.

К.Г. Юнг обращает внимание на то, что образ матери неизбежно проявляется в фольклоре: "С этим архетипом ассоциируются такие качества, как материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума: любой полезный инстинкт или порыв; все, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию" (14, с. 218). По Юнгу архетип матери не является единственным женским архетипом. Архетипы *анима* и *анимус* определяют два противоположных начала, отождествляемые с мужским и женским. Оба эти начала присутствуют в мифологическом мышлении и в психике отдельного человека. В зависимости от пола происходит попытка бессознательного вытеснения анимы или анимуса. В русских пословицах и поговорках сверхположительно коннотировано понятие "Мать" и скорее отрицательно - понятие "женщина/жена/баба". Первое восходит к архетипу матери - "для мужчины мать с самого начала имеет явный символический смысл, чем, вероятно, и объясняется проявляющаяся у него сильная тенденция идеализировать ее. Идеализация - это скрытый антропоизм; человек идеализирует тогда, когда испытывает тайный страх быть изгнанным" (там же, с. 244). Второе (женщина/жена/баба) отражает архетип анимы. Неиерархичность этих концептов подтверждается, на наш взгляд, семантикой нецензурной брани, в частности,

распространенной формулой ... *твою мать!* Этимология этого обценного фразеологизма подробно рассмотрена в работе Б. А. Успенского (12). Представляется, что одной из причин оскорбительности этого ругательства в современный период является произведение над матерью действия, нормального по отношению к женщине, то есть переход от архетипа матери к архетипу анимы. Вербально поступая с матерью адресата высказывания как с женщиной, ее низводят с воздвигнутого коллективным "Я" пьедестала, в чем и состоит оскорбление. Идеализация образа матери говорит о высокой значимости в русской ментальности материнства.

С учетом сказанного можно констатировать, что внутри русского языка разграничиваются понятия "женщина" и "мать" как неиерархичные, а образ женщины в русском языковом сознании содержит большое количество положительных черт. Примечательно также, что современное языковое сознание русских приписывает женской красоте высокую значимость, тогда как наш анализ пословиц из словаря В. Даля не показал значимости внешности для русской женщины. Внешность не существенна, но важна хозяйственность. Работе и хозяйственности как необходимым женским качествам посвящены 184 единицы:

Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит.

Непосредственно внешности посвящены 53 единицы, 11 из них подчеркивают вторичность красоты и первичность хозяйственных или нравственных качеств:

С лица не воду пить, умела б пироги печь; Не пригожа, да пригодна; Красота приглядится, а щи не прихлебаются; Собой красава, да душа трухлава; Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла.

Остальные единицы, относящиеся к этой группе, не столько предписывают женщине быть красивой, сколько констатируют факт (*Хороша, как писаная миска*); они могут относиться и к мужчинам: *Он красным девушкам во сне снится* - или иметь иронический смысл: *Не к роже румяна, не к рукам пироги.*

Известно, что словарь В. Даля вышел в середине прошлого века, а включенный в него материал, разумеется, еще старше. Поэтому сопоставление наших данных с данными современного этапа позволяет говорить об определенной динамике развития гендерных

стереотипов в сознании носителей русского языка.

Темой отдельного исследования является выявление зависимости выраженных черт "женственности" языка и отражения в нем стереотипного представления женщин и мужчин. Отметим лишь следующее: в западной лингвистике принято считать, что любой естественный язык несет следы патриархата и "игнорирует" женщин и женскую деятельность. Наши данные позволяют предположить, что степень андроцентричности разных языков неодинакова. Так, в русской паремииологии присутствует явно различимый женский голос, отсутствующий в немецких пословицах и поговорках. Русские имена славянского происхождения также не обнаруживают резкого противопоставления стереотипов мужественности и женственности, свойственного, например, немецким именам (4).

Выводы.

1. Возникновение номинаций "мужественность" и "женственность" не случайно с точки зрения механизмов концептуализации действительности в человеческом сознании. Понятия "мужественность" и "женственность" метафоричны и в силу своей семантической двуплановости воздействуют на сознание носителей языка, заставляя их связывать абстрактные категории "женственность" и "мужественность" с мужчинами и женщинами. Процесс категоризации в человеческом сознании идет от конкретного к абстрактному, поэтому сама номинация метафизических понятий "мужественность" и "женственность" была мотивирована конкретным человеческим опытом - наличием двух типов людей с разными функциями. Внутренняя форма метафизических категорий "женственность" и "мужественность" отсылает к людям разного пола и заставляет приписывать им качества, свойственные этим категориям, но необязательно свойственные реальным мужчинам и женщинам, что способствует формированию гендерных стереотипов и социальных ожиданий по отношению к мужчинам и женщинам.

2. Характерологические особенности языков могут интерпретироваться в терминах метафизической оппозиции "женственность/мужественность". При этом следует учитывать метафорический характер этих наименований. Особенности русского языка соотносимы с понятием женственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белый А. Вейнингер о поле и характере// Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

3. Кирилина А.В. Женский голос в русской паремиологии // Женщина в российском обществе. 1997. № 3.
4. Кирилина А.В. Символика мужественности и женственности в личных именах // Женщина на пороге XXI века. (Материалы круглого стола по гендерным исследованиям МГУ.) М., 1998 (в печати).
5. Конуэй Д. К. В поисках нового сценария // Вы и мы: Диалог российских и американских женщин. 1997. № 1.
6. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 23. М., 1988.
7. Лакофф Дж. Когнитивная семантика: (Из книги "Женщины, огонь и опасные предметы")// Язык и интеллект. М., 1996.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
9. Мифы народов мира: В 2 т. М., 1980 - 1982. Т. 1.
10. Рябов О.В. "Женственность" и "мужественность" как категории русской историософии // Женщина в российском обществе. 1996. № 1.
11. Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.
12. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избр. тр. Т. 2: Язык и культура. 2-е изд. М., 1996.
13. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания/ Под ред. Н.В. Уфимцевой. М., 1996.
14. Юнг К. Г.. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
15. Lakoff G., Robin. Language and women's Place // Language in Society. 1973. 1 2.
16. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.
17. Nilsen, Aleen P. Of Ladybugs and Billy Goats: What Animal Species Names Tell About Human Perception of Gender // Metaphor and symbolik activity. 1996. Vol. 11. № 4.